

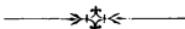
ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ**.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.
1913 — 1914.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ И СЪ ДВУМИ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вос. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

Сравнительно-фонетическій очеркъ японскаго и рюкюскаго языковъ¹⁾).

I.

Подъ терминомъ рюкюскій языкъ нужно было бы понимать совокупность говоровъ, которыми владѣеть населеніе лежащихъ къ Ю.-З. отъ Японіи Рюкюскихъ (*r'ūk'ū*) острововъ, извѣстныхъ также подъ именемъ Люкюскихъ, Лючюскихъ, наконецъ Ликейскихъ, — составляющихъ японскую префектуру Окінава (по имени главнаго острова). Говоры эти въ несомнѣнномъ родствѣ съ японскимъ: для 90% пзъ числа морфемъ легко подыскиваются японскія параллели, многія слова тождественны въ обоихъ языкахъ. При этомъ иногда отсутствуетъ возможность опредѣлить, что изъ сходнаго восходитъ къ эпохѣ единства или обязано параллельности фонетическаго развитія, и что является результатомъ языковаго смѣшенія — послѣ японскаго завоеванія въ 1609 году. Но въ общемъ пониманіе рюкюска японцемъ очень затруднено; такъ въ рюкюскомъ имѣются новообразованія флексіи въ соотвѣтствіи авалитическимъ сочетаніямъ японскаго. По вопросу о томъ, называть ли рюкюскій языкъ языкомъ или діалектомъ (діалектами?) японскаго, существуетъ разногласіе и для научнаго рѣшенія его у меня слишкомъ мало діалектическихъ данныхъ. Еще менѣ ясно, слѣдуетъ ли выдѣлять въ особую группу языкъ *Mijakošima* и соедѣнныхъ ему острововъ между Окінава и Формозой. Въ изложеніи я, слѣдуя Chamberlain'у, буду употреблять терминъ рюкюскій языкъ для обозначенія говора *šui* (*šuri*) — главнаго города на Окінава; всякую ссылку на другой діалектъ буду оговаривать. Для японскаго же языка показателнымъ будетъ служить говоръ *Tōk'ō*.

---

1) Считаю пріятнымъ долгомъ выразить благодарность Н. М. Поцову, И. А. Бодуэну де Куртенэ, Л. В. Щербѣ, А. Д. Рудневу и А. И. Иванову за прочтеніе настоящей работы въ черновомъ видѣ и цѣнные указанія.

Источниками моего знакомства съ рюкюскимъ служили:

1) Basil Hall Chamberlain. Essay in Aid of a Grammar and Dictionary of the Luchuan Language (Transactions of the Asiatic Society of Japan, Vol. XXIII Suppl.). Книга содержитъ подробную морфологию говора *šui*, тексты, словарь, а также сравнительно-грамматическіе экскурсы. Прочія работы Chamb. о рюкюскомъ языкѣ исчерпываются этой.

2) Небольшая статья Wirth'a: *Neue Liu-Kiu Mundarten* въ *Zeitschrift für afrikanische und oceanische Sprachen* за 1900 г. Она цѣнна для меня тѣмъ, что нѣсколько знакомитъ съ другими рюкюскими діалектами. Съ взглядами же Wirth'a, который подходит къ изученію Рюкю отъ изученія малайскихъ языковъ и отыскиваетъ въ рюкюскомъ и японскомъ малайскіе элементы, совершенно нельзя согласиться, какъ и съ его методомъ. Напримѣръ, японское слово *Amaterasu* — имя богини — онъ объясняетъ изъ двухъ малайскихъ словъ: *mata rasi* «глазъ неба», тогда какъ дѣленіе этого *Compositi* такое: *ama* «небо», *terasu* «освѣщать».

Изъ литературы о японскомъ языкѣ мнѣ особенно пригодился *Étude phonétique de la langue japonaise* par E. R. Edwards, Leipzig, 1903. Описанъ говоръ *Tōk'ō*.

Діалектологическія данныя взяты главнымъ образомъ изъ японскихъ книгъ:

1) *Endō. ší-wa* (Visible Speech) *on-ši hasu-on-gaku* (Фонетика съ примѣненіемъ транскрипціи Bell'a: Visible Speech).

2) *Isawa. ší-wa ō-jō tō-hoku hasu-on k'ō-sei-hō* (Способъ исправленія сѣверо-восточнаго произношенія съ примѣненіемъ транскрипціи Bell'a: Visible Speech).

Почерпнутыя изъ нихъ указанія въ общемъ мало точны: болъшую цѣнность имѣютъ указанія на маленькій, чѣмъ на большой районъ какой-либо особенности, такъ какъ послѣднимъ отнюдь нельзя придавать того смысла, что указанная особенность обща всѣмъ говорамъ района. Большинство же указаній страдаетъ отсутствіемъ примѣровъ.

Употребляемый мною способъ транскрипціи имѣетъ въ основѣ алфавитъ международной фонетической ассоціаціи съ дополненіями, сдѣланными къ нему Л. В. Щербой (Извѣстія Отдѣленія рус. яз. и сл., т. XVI, 1911 г., кн. 4). Отмѣчу слѣдующія особенности:

1) Въ виду простоты японской системы гласныхъ я употребляю знаки *a, i, u, e, o*, не отмѣчая отгѣнковъ.

2) Допускаю обозначеніе долготы въ видѣ черточки надъ буквой.

3) Считаю нужнымъ отмѣтить губногубной характеръ *tōk'ō*скаго *φ* (у Edwards'a) въ отличіе отъ діалектическаго зубногубного *f*.

4) вмѣсто болѣе точнаго *л* (non roulé) употребляю *ʀ* (какъ и Edwards).

5) *c=ts*, *z=dz* (предложено Щербой).

6) вмѣсто употребляемыхъ Edwards'омъ *ʃ* (Romaži *sh*), *ʒ* я примѣняю знаки *ś* и *ź* (диакрит. знакъ обязательно надъ буквой), чѣмъ отмѣчается дорсальный характеръ этихъ *ш* и *ж*. Соответствующія аффрикаты: *ś=ts* (Romaži *ch*) и *ź* (Romaži *j*).

7) Въ отличіе отъ алф. м. ф. а. для среднебныхъ взрывныхъ употребляю *ћ* (для глухого) и *ћ̣* (для звонкаго).

Настоящій очеркъ не имѣетъ въ виду полноты: сужденія по многимъ вопросамъ японской фонетики были бы для меня преждевременными, — о многихъ явленіяхъ поэтому неупомянуто, напр. о выпаденіи *k*, о мѣнѣ *m* и *b*. Съ другой стороны, стараясь дополнить и исправить сравнительно-грамматическія изысканія Chamberlain'a, я не останавливался надъ тѣмъ, что считалъ у него вѣрнымъ. Въ общемъ, я не нахожу правильнымъ мнѣнія Chamberlain'a о консервативности (архаичности) рюкюскаго языка по сравненію съ японскымъ: по суммѣ новшествъ говоръ *śui* сильно опережаетъ вовсе не являющійся консервативнымъ японскимъ говоромъ говоръ Ток'о, что вытекаетъ изъ разсмотрѣнія, какъ фонетики, такъ и морфологіи (въ настоящемъ очеркѣ ссылка на морфологию, конечно, голословна).

II.

Соотвѣтствія гласныхъ таковы:

Яп.	а	(ā)	е	(ē)	і	(ī)	й	о	ō	ū	у	ў
Р.—К.	а		і		і		й	у	ū	ū	у	й, ѣ послѣ џ.

Поставленное въ скобки (яп. *ā*, *ē*, *ī*) — фонемы рѣдкія, встрѣчающіяся по 2—3 раза во всемъ словарѣ и такъ какъ для словъ, гдѣ оны имѣются, нѣтъ рюкюскихъ параллелей, я оставлю ихъ безъ разсмотрѣнія.

й, *ў* — звуки факультативные, исчезающіе при быстромъ темпѣ рѣчи.

Примѣры: яп. *a* | РК. *a*. яп. *hana* «носъ», РК. *hana* id.; яп. *mura* «деревня», РК. *mura* id.; яп. *ame* «дождь», РК. *ami* id.; яп. *e* | РК. *i*: *ame* «дождь», *ami* id.; яп. *ko-re* «это», РК. *ku-ri* id.; яп. *erabu* «выбирать», РК. *irabu* id.

Яп. *i* | РК. *i*: яп. *timi* «ухо», РК. *timi* «ухо»; яп. *ikusi* «сколько?», РК. *ikusi* id.

Яп. *o* | РК. *u*: яп. *kokoro* «сердце», РК. *kukuru* id.; яп. *oni* «демонъ», РК. *uni* id.

Яп. *ō* | РК. *ū*: яп. *kōri* «ледъ», РК. *kūri* id.

Яп. *u* | РК. *u*: яп. *mugi* «пшеница», РК. *muži* id.; яп. *uta* «пѣсня», РК. *uta* id.

Яп. *ū* | РК. *ū*: яп. *jū-han*, РК. *jū-ban* (гибридное Compositum: *jū* — «ночь»; *han* | *ban* заимств. съ китайскаго: «ѣда, рисъ»; все вмѣстѣ: «ужинъ»).

Факультативные *ɣ*, *ʝ* требуютъ особаго разсмотрѣнія. Въ японскомъ это не отдѣльныя фонемы, а возникающіе въ опредѣленныхъ комбинаторныхъ условіяхъ оттѣнки. Въ общемъ они слабѣе и короче, чѣмъ нормальные *u*, *i* и легко превращаются въ нуль. Въ будущемъ ожидается явленіе, которое по аналогіи съ славянскимъ явленіемъ можно назвать «паденіемъ глухихъ». Условія же появленія *ɣ*, *ʝ* въ японскомъ представляются слѣдующими:

1) Слогъ состоитъ изъ спиранта (*ɸ*, *ç*, *s*, *ʃ*) или аффрикаты (*c*, *č*, *z*, *ʒ*) + *u* или *i*.

gūtaci «два», *çito* «человѣкъ», *sūki-masū* «люблю, любить...», *šikaši* «но, однако», *mizū* «вода», *nišū* «радуга».

2) Слово не односложно.

3) Слово не представляетъ послѣдовательность слога съ *u* и слога съ постспирантнымъ или постаффрикатнымъ *i*; въ послѣднемъ случаѣ *i* обычно удерживается, напр. *kučū* «ротъ».

4) Въ слѣдующемъ слогѣ нѣтъ факультативнаго *ɣ* или *ʝ*.

Внутри указанныхъ возможно различать еще другія условія, учающія въ паденіи гласнаго. Къ числу таковыхъ относится, видимо, соседство *ɣ*, *ʝ* съ глухими согласными и позиція послѣ спиранта, а не аффрикаты.

Физиологически процессъ объясняется такъ:

При узкихъ гласныхъ воздуху выходитъ больше, чѣмъ при широкихъ. Голосовая щель открыта шире (чѣмъ объясняется легкой переходъ *u*, *i* въ шопотные между глухими согласными — Edw. § 25). Сила звука, зависящая отъ давленія за голосовыми связками, слаба. Вслѣдствіе этой слабости *i*, *u* оказываются мало годными для слоговой функціи и, если въ слогѣ имѣется элементъ способный принять на себя эту функцію — спирантъ или спиранный элементъ аффрикаты, *u* и *i* легко становятся неслоговыми, а затѣмъ выпадаютъ. («La détente de *š*, *č*, *ʒ*, *ç* se confond souvent avec *i* et celle de *s*, *c*, *ʒ*, *ç* avec *u* — Edw. § 19). Въ варьяціяхъ факультативныхъ *ɣ*, *ʝ* отъ старательнаго выполненія до нуля имѣются ступени, гдѣ *ɣ* совпадаетъ съ *ʝ* въ неопредѣленномъ звукѣ. Подобнымъ же образомъ рюкюское *ɣ* слилось съ *ʝ* (за исключеніемъ позиціи послѣ *ɸ*): РК. *sišū* «превосходить, превышать мѣру», яп. *sūgiri* id.; РК. *çusika*

«два дня», яп. *gucika* id.; РК. *miži* «вода» (*mids* въ записи Wirth'a¹⁾), яп. *miži* id.

Но *gūtaci* (у Wirth'a *ftats*¹⁾ «два», яп. *gūtaci* id.

Для рюкюскаго характерно кромѣ того завершение процесса *u, i >* нуль:

Сочетаніе *šit > šit > št*, которое путемъ перестановки уподобляется существующей уже въ языкѣ аффрикатѣ *ś (=ts)* яп. *ašita* «завтра», РК. *aśa* id.; яп. *nokošite* «оставивъ», РК. *nukući* id.

О количествѣ выдыха при узкихъ и широкихъ гласныхъ см. Roudet, La Parole, 1900, 201 и Rousselot, Principes de phon. experim., II, 819.

III.

Относительно соотвѣтствій яп. *o, u* | РК. *u* и яп. *e, i* | РК. *i* мнѣ кажется несомнѣннымъ, что японское различіе звуковъ представляетъ болѣе древнее состояніе, которое было свойственно и предку рюкюскаго языка, хотя Chamb. держится обратнаго мнѣнія.

1) Различіе узкихъ отъ широкихъ, параллельное яп. различію, наблюдается въ нѣкоторыхъ рюкюскихъ діалектахъ (Wirth), хотя отсутствуетъ въ говорѣ *šui*, исключительно съ которымъ имѣлъ дѣло Chamb.

2) Различіе древнихъ узкихъ отъ древнихъ широкихъ сказалось въ *šui* различной судьбой предшествующихъ *k, g, t, d, s*: яп. *kī* | РК. *śi*; *ke* | *kī*; *gī* | *śi*; *ge* | *gī*; *śi* | *śi*; *se* | *si*.

яп. *kimo* «печень», РК. *śimu* id.; *sake* «водка», РК. *saki* id.; яп. *mugi* «пшеница», РК. *miži* id.; яп. *macjige* «рѣсняца», РК. *macji* id.; яп. *aši* «нога», РК. *aši* id.; яп. *ase* «потъ», РК. *aši* id.; *tu: яп. *cū* | РК. *cī*; *to: яп. *to* | РК. *tu*; *du: яп. *zū* | РК. *zī*; *do: яп. *do* | РК. *du*; яп. *cūte* «ноготь», РК. *cīte* id.; яп. *tori* «птица», РК. *tui* id.; яп. *miži* «вода», РК. *miži* id.; яп. *doro* «грязь», РК. *duru* id.

Говоры, гдѣ *e, i* съ одной стороны, *o, u* съ другой смѣшиваются въ промежуточныхъ звукахъ (м. б. не при всѣхъ условіяхъ) встрѣчаются на японской территоріи въ Оу. Есть указанія (Isawa), что это смѣшеніе или по крайней мѣрѣ приближеніе къ нему (расширеніе узкихъ и суженіе широкихъ) имѣетъ мѣсто въ префектурахъ: Аомоги (пров. Мусу), фukušima (Iwaširo), а также въ Niigata (Ešigo), Gumma (Kōзике), Ibaragi (Citači); словомъ районъ — сѣверная часть Нонбу. Предположеніе айпскаго вліянія крайне рискованно безъ близкаго знакомства съ явленіями (Pilsudski, Materials for the study of Ainu language and folklore, p. 1—2: «In

1) Для діалекта Mijakosima.

Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XXII.

unaccented syllables, the vowels, *o* and *u* on one hand, as well as *e* and *i* on the other, become nearly undistinguishable. For instance, *o* and *e* are apt to become narrowed, and on the other hand, *u* and *i* receive a more open pronunciation»).

IV.

Кромѣ вошедшихъ въ таблицу гласныхъ соотвѣтствій въ рюкюскомъ имѣются еще слѣдующіе *доміе* звуки: *ā*, *ī*, *ē*, *ō*, *ē*, *ō* развились изъ дифтонговъ — см. гл. V. *ā*, *ī* (какъ и *ū*) — часто изъ стяженія: РК. *kā*, яп. *kawa* «кожа» (*кара, айнское *кар* «шкура»); РК. *čiru* «желтый» яп. *ki-iro* «желтый цвѣтъ». Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ приведенномъ у Chamberl. словарномъ матеріалѣ ихъ пятьдесятъ слишкомъ) рюкюскія *ā*, *ī*, *ū* соотвѣтствуютъ японскимъ краткимъ гласнымъ.

Chamberlain для всѣхъ такихъ случаевъ предполагаетъ праязыковую форму съ долгимъ гласнымъ, сократившимся въ японскомъ. Между тѣмъ нѣкоторые случаи должны быть выдѣлены. Такъ 27 изъ нихъ приходится на односложныя слова, напр. яп. *ci* «огонь», РК. *φī* id.; яп. *na* «имя», РК. *nā* id.; яп. *te* «рука», РК. *tī* id. И съ другой стороны въ рюкюскомъ (*suī*) нѣтъ односложныхъ словъ съ краткимъ гласнымъ (исключеніе составляетъ *ju* «мѣръ» при яп. *jo* id.; но судя по японскому употребленію, гдѣ это слово представляетъ переходную ступень къ члену *compositi*, закрѣпляясь въ выраженіяхъ, какъ *waga-jo* «нашъ мѣръ, нашъ вѣкъ», оно очевидно и въ рюкюскомъ носить на себѣ слѣдъ такого употребленія). Когда же указанныя (27) односложныя слова входятъ въ *compositum*, т. е. являются частью многосложнаго цѣлаго, они имѣютъ, какъ и въ японскомъ, краткую гласную. Напр., РК. *nī* «багажъ», яп. *ni* id.; РК. *ni-muci* idem, яп. *ni-tosi* id.; *nī* «два», яп. *ni*; *nīzū*, яп. *nīzū* «двадцать» (эти числительныя заимствованы съ китайскаго). Но есть и такія *composita*, гдѣ гласная долга, какъ и въ изоляціи, напр. *kāgī* «лице» (ошибочно сопоставленное Chamberlain'омъ съ японскимъ *kaō* «лице»), являющееся *composit.* типа *Dvandva*: *kā* «кожа» + *gī* «волосы» (фонетически правильно изъ *ke — яп. *ke*; гласный долгъ, какъ въ изоляціи). Есть случаи, гдѣ одинъ и тотъ же элементъ имѣетъ долгій гласный въ одномъ *Comp.* и краткій въ другомъ: *tī* «рука», яп. *te* id.; *tī-sag^oi* «ощупь(ю)», яп. *te-saguri* id.; *tī-šuku* «подсвѣчникъ, ручной свѣтильникъ», яп. *te-šoku* id.

Эти факты заставляютъ предположить, что всякое односложное слово съ первоначальной краткой гласной удлинило ее въ рюкюскомъ. *Composita* же, гдѣ имѣется долгій гласный, созданы или подновлены на основаніи

односложныхъ словъ уже послѣ дѣйствія упомянутого закона. Такое подновленіе имѣло мѣсто въ *tī-sag^oi*, гдѣ обѣ части не перестали пониматься отдѣльно — *sag^oi* видимо создается родственнымъ съ *sagēšūŋ* «искать», для *tī* не было никакихъ поводовъ къ уtratѣ первоначального смысла. Въ *tī-šuku* же подновленія не могло быть: второй элементъ *šuku*, заимствованный съ китайскаго, не могъ быть понимаемъ отдѣльно, такъ какъ не употреблялся внѣ даннаго сочетанія; при отсутствіи постоянной связи между подсвѣтникомъ и рукой не могла сохраниться и понимаемость первого элемента — слово перестало сознаваться дѣлимымъ.

Изъ прочихъ случаевъ яп. крат. гл. | РК. долг. гл. шесть приходится на двусложныя числительныя:

- 8 *jāci*, яп. *jacū*
 6 *mīci* » *mici*
 4 *jūci* » *joci*
 3 *mīci* » *mici*
 2 *tāci* рядомъ съ поэтическимъ *putaci*, яп. *çütaci*.
 1 *tīci*, яп. *çitoci*.

Кромѣ приведенныхъ имѣются формы безъ окончанія *ci* (*tu, яп. *cū*), употребляемыя въ *composita*: 8 *ja*, 6 *tu*, 4 *ju*, 3 *mi*, 2 *ta* (Chamb., § 92). Объясненіе двусложныхъ формъ изъ односложныхъ, удлинившихъ гласный звукъ въ изоляціи, весьма вѣроятно при легкой выдѣляемости окончанія *ci* (*tu), но возможны и другія причины. Такъ при ритмическомъ счетѣ гласные трехсложныхъ (5 *icici* и 7 *nanaci*) и четырехсложнаго (9 *kukinici*) числительныхъ могли стать короче, чѣмъ гласные двусложныхъ, уже только въ виду стремленія удѣлить произношенію каждаго числительнаго одинаковое количество времени. Это различіе было въ такомъ случаѣ затѣмъ приравнено къ обычному различію долгихъ отъ краткихъ.

Бросающаяся же въ глаза фонетическое объясненіе долготъ въ этихъ числительныхъ — изъ компенсаціи при стремленіи къ нулю гласнаго второго слога (*i*), не находитъ подтвержденія внѣ данныхъ случаевъ.

Остальные (двадцать слишкомъ) примѣры подобныхъ соотвѣтствій я принужденъ оставить безъ объясненій.

V.

Съ точки зрѣнія исторической послѣдовательности японскіе дифтонги (точнѣе: дифтонги на историческомъ протяженіи предковъ *tōk'ō*скаго говора) могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы:

1) Дифтонги, монофтонгизировавшиеся в раннюю эпоху, не засвидетельствованные японской орфографией и лишь восстанавливаемые на местах спайки двух морфологических элементов. Получившийся монофтонг краток. Сюда относятся:

e из *i-a* в *keku* (формант) из *ki-aku* — см. Aston, Grammar of the written language², p. 154.

e из *a-i* в *nageki* «скорбь» из *naga-iki* «длинное дыхание» (?) — Aston, p. 28.

2) Дифтонги, монофтонгизировавшиеся в Тōк'ōском, но засвидетельствованные орфографией. Получившийся монофтонг долгот. Сюда, как и в группе 3-ей, относятся главным образом дифтонги, образовавшиеся при выпадении согласных.

-aku > *au* > *ō* (формант парѣчий): *medetaku* > *medetō* «счастливо»; также *an>au* > *ō* (формант будущего врем.): *jotan* > *jotō* «буду, будеть читать» (см. гл. IX).

3) Дифтонги, сохранившиеся в Тōк'ōском (иногда факультативно — см. Edw. §§ 10, 11).

Поскольку появление дифтонгов всех этих родов было в предке рюкюскаго языка параллельно дифтонгам тōк'ōскаго говора, постольку ни один из них не сохранился в *šui*. Исключение составляет лишь восходящий дифтонг *ue*, если его считать дифтонгом (Edwards говорит о тōк'ōском *ue*: «dans cette combinaison u est presque la consonne faible w»): яп. *ue* «верхъ», РК. *uē* id. (*wuē* в транскрипции Chamb.); яп. *ucru* «сажать», РК. *uꞥjru* id. Монофтонги, соответствующие второй и третьей группам, долги. Это единственный путь возникновения *ē*, *ō*: *mē* «передь», яп. *maē*, *maē* id.; *tadēma* «теперь», яп. *tadaima* id. *nōšun* «поправлять», яп. *naosu* id. (*naposu);

ōru «зеленый, голубой», яп. *aoiro*: *ao* (*awo) «зеленый, голубой» + *iro* «цвѣтъ».

Такой же монофтонгизация подверглись и дифтонги специально-рюкюскаго образования, кромѣ возникших благодаря выпадению *r*:

*mīri pa «дорога» + послѣлогъ (яп. *mišiuwa*) > *mīcia* > *mičē*.

*pīto pa «человѣкъ» + послѣлогъ (яп. *šitowa*) > *ēua* > *ēō* (Chamb., ch. III).

Выпадение же *r* очевидно позднѣйшее явление:

mī, яп. *morī* «лѣсъ»; *šui* название города — кит. заимств., в японскомъ *šuri*.

О дифтонгическомъ характерѣ начального *ē* можно догадываться по транскрипции Chamberlain'омъ словъ:

yuē «индияго» (яп. *ai* idem), *yuē-satsi* «отвѣтъ» (яп. *aisacu* id.), *yuēzi* «сиг-

налъ» (яп. *aizu id.*). Начало, обозначаемое *yu*, «is so much softer, so much more evanescent and intangible, so to say, than English *y*, that one is tempted to omit it altogether»... (25—26). Словъ съ начальнымъ *ē* безъ этого элемента вѣтъ.

VI.

Праязыковая система согласныхъ, поскольку она выясняется сравнительнымъ методомъ и изъ разсмотрѣнія японскаго алфавита, рисуется въ слѣдующемъ видѣ:

Смычные. Губные: *p, b, p̄* (долгое).

Переднеязычные: *t, d, t̄* (долгое).

Заднеязычные: *k, g, k̄* (долгое).

Стиранты: *w, s, z, z̄* (долгое), *j, r*.

Носовыя n, m, η (слоговое), *m* (слоговое).

Эта схема, конечно, не исключаетъ предшествующаго развитія: возможно допустить, что нѣкоторые ея члены — лишь комбинаторныя измѣненія другихъ (напр., звонкіе — глухихъ или наоборотъ); возможно, наконецъ, что въ эпоху разселенія нѣкоторые члены ея еще не достигли того значенія, которое имъ приписывается (что мы можемъ для нѣкоторыхъ членовъ предполагать съ ббльшей, для другихъ съ меньшей вѣроятностью); но такъ какъ эта схема есть исходный пунктъ при объясненіи отдѣльно-языковыхъ явленій, то удобно принять, какъ рабочую гипотезу, *праязычность* всѣхъ ея членовъ.

*р. Наиболѣе консервативнымъ является говоръ *Mijakošima*, гдѣ *p* сохранилось: *papa* «носъ», яп. *hana id.*; *pa* «зубъ», яп. *ha: pass* «мостъ», яп. *hasi*; *opi* «большой», яп. *ō (*oro)*—*Wirth*; также въ *Jamabara* (гористая мѣстность на сѣверѣ *Okinawa*): *pi* «огонь», яп. *si id.*; *pikari* «свѣтъ», яп. *çikari id.*

Въ другихъ мѣстностяхъ обыченъ спонтанеическій переходъ **p > φ*, (тогда какъ *b* сохранялось, не переходя въ *w*; причину этого можно видѣть въ томъ, что *w* существовало искони и языкъ противился совпадению двухъ фонемъ). Последнее (*φ*) въ началѣ словъ сохранилось передъ всѣми гласными во многихъ говорахъ самыхъ различныхъ частей Японіи—*Ōu, Etōgo, K'ūsū, San-in-dō*; въ видѣ исключенія перешло въ *f* зубногубное (нѣкоторые говоры въ *Ōu*). Въ тѣхъ-окомъ же начальное *φ* сохранилось только передъ *и*, передъ другими же гласными губная работа исчезла, осталось одно дыханіе. Суженіе воздушнаго пути зависитъ отъ гласной, такимъ образомъ *φi > çi*, склонное къ смѣшенію съ *si*, тогда какъ *φa, φe, φo > ha, he, ho*.

Между гласными $\varphi > w$ во многих (всѣхъ?) говорахъ, изъ которыхъ говоръ префектуры *Tojama* (пров. *Eccu*) превратилъ послѣднее (w) въ v зубногубное (*ive* «домъ», въ *Tok'ō ie < *ipe*), большинство же сходно съ тѣхъбскимъ: интервокальное w исчезло во всѣхъ случаяхъ кромѣ положенія передъ *a*. Факультативно оно исчезаетъ въ тѣхъбскомъ и передъ *a*. Рядомъ съ *sogewa* «это» (**soge pa*) существуютъ дублиеты: *sogea* и *sor'a* (Edw., § 88).

Отраженіе $*p$ въ *su* съ трудомъ поддается анализу.

p сохранилось только послѣ *m* (изъ $*mi$): *mrapa* «нось (вашъ)», яп. *mi* почтительная частица + *hana* «нось».

Въ серединѣ словъ между гласными отраженіемъ является то нуль, то w :

āsui «соединять», яп. *awaseru* id. (**apaseru*); *arāsui* «открывать», яп. *arawasu* (**arapasu*) id. (РК. *ā < *ара*); *nōsui* «поправлять», яп. *naosu* (**naposu*) id. (РК. *ō < *аро*).

Но w въ *awa* «просо», яп. *awa* id. (**ара*); *nīwī* «запахъ», яп. *niōi* id. (**nīropī*).

Начальное $p > \varphi$, которое сохранилось передъ $\bar{e}$:

gēki «быстро», яп. *hajaku* id.

Передъ i и передъ a встрѣчаются, какъ φ , такъ и h (м. б. ζ): *gā* «листь», яп. *ha* id.

hā «зубъ», яп. *ha* id.; *hana* «нось», «цвѣтокъ», яп. *hana* id., id.

gīu «день», яп. *gīu* id.

hibici (*çibici*?) «эх», яп. *çibiki* id.

Причина такого разнообразія можетъ быть лежать въ смѣшеніи говоровъ: рюкюскихъ или рюкюскаго и японскихъ — благодаря японской колонизаціи.

Отраженіе начальнаго $*p$ передъ u и $\bar{o}$ заслуживаетъ особаго вниманія. «In Luchuan», говоритъ Chamberlain, «when u or $\bar{o}$ is the following vowel, the same speaker will sound the same word sometimes with an f (φ), sometimes with an h , without being conscious of the difference», тогда какъ «before a and i a clear distinction between f (φ) and h is drawn» (р. 26). Это отсутствіе различаемости φ и h передъ единственными лабиализованными рюкюскими гласными ($\bar{u}$, $\bar{o}$), объясняется, очевидно, тѣмъ, что для сознанія рюкюсца важно просто присутствіе губной работы въ слогѣ, а распредѣляется она на два элемента или на одинъ — для него не существенно. Позволю себѣ назвать это явленіе одночленной лабиализаціей, понимая подъ этимъ не обязательность, а лишь факультативность сосредоточенія губной работы на одномъ элементѣ (не социальный результатъ диссимиляторнаго процесса, а лишь пальчикъ индивидуальныхъ его осуществленій). Является

вопросъ: нѣтъ ли на рюкюской почвѣ другихъ явленій, гдѣ бы сказалось то же отношеніе къ губнымъ работамъ? У Chamberlain'a нѣтъ указаній на современное дѣйствіе подобныхъ процессовъ виѣ сочетаній *phi* и *phō*, т. е. нѣтъ напримѣръ того, чтобы слогъ *mi* могъ замѣняться *mi*. Но нѣкоторыя явленія допускаютъ наличие такихъ фактовъ въ прошломъ.

Въ глаголахъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ японскимъ глаголамъ перваго спряженія, коренная морфема которыхъ оканчивается на *m*, рюкюскій представляетъ чередованіе морфемъ: съ конечнымъ *n* и конечнымъ *m*. Первая имѣется въ *indicat. praes.* и въ *nomen deverbativum*, вторая въ *praesens negativum*.

praes. ind. posit.		nom. deverb. praes. negat.	
яп. <i>jomi</i>	«читать»	<i>jomi</i>	<i>jomau</i>
РК. <i>jinuŋ</i>	id.	<i>jinī</i>	<i>jinau</i>
яп. <i>kami</i>	«кусать»	<i>kami</i>	<i>kamau</i>
РК. <i>kanuŋ</i>	«ѣсть»	<i>kami</i>	<i>kamau</i>
яп. <i>simi</i>	«пагружать»	<i>simi</i>	<i>simau</i>
РК. <i>sinuŋ</i>	id.	<i>sinī</i>	<i>simau</i>
яп. <i>ogami</i>	«поклоняться, молиться»	<i>ogami</i>	<i>ogamau</i>
РК. <i>wiganuŋ</i>	id.	<i>wigami</i>	<i>wigamau</i>

Отъ древней глагольной основы *mi* (яп. *mi-gu*) «видѣть» по аналогіи съ глаголами перваго спряженія, въ которыхъ *indic. praes.* имѣетъ окончаніе—*u*, была образована форма *mi* (встрѣчающаяся и на японской почвѣ: классическое *kokoro-mi*, *kokoro-mi-gu* «пробовать»). Это *mi*, какъ односложное слово, дало въ *ŋui mī* и съ прибавленіемъ *ŋ* (эквивалентнаго японскому *n* изъ *no* въ *ŋui-n-des*) — *mīŋ*, откуда путемъ закрѣпленія одночленной лабиализаціи — *nīŋ* (впрочемъ возможна и обратная послѣдовательность: сначала *m > n*, а затѣмъ удлинненіе гласнаго). Форма *miŋ* (количество гласнаго?) засвидѣтельствована диалектомъ Ōsima (Wirth).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ предполагаю фонетическое развитіе *mi < mi* на почвѣ одночленной лабиализаціи и затѣмъ передачу *n* по аналогіи въ *nomen deverbativum* четырехъ первыхъ глаголовъ. Тотъ фактъ, что переходъ *mi > mi* совершился только въ указанныхъ случаяхъ, а не при вслкомъ *mi*, объясняется слѣдующимъ.

Вслкій диссимиляціонный переходъ имѣетъ мѣсто только тогда, когда одна изъ участвующихъ фонемъ является менѣе устойчивой, чѣмъ другая, т. е. когда есть причины выбора направленія диссимиляціи. Причины этого выбора указаны Grammont'омъ для диссимиляціи согласныхъ (*La dissimilation consonantique dans les langues indo-européennes et dans les langues*

гоманес) и дѣлятся на фонетическія и морфологическія. Значеніе послѣднихъ состоитъ въ томъ, что устойчивой является фонема, болѣе цѣнная въ морфологическомъ смыслѣ. Въ данныхъ же сочетаніяхъ *mi морфологическая цѣнность *и* была больше, чѣмъ цѣнность *т*. За сохраненіе *и* говорить связь съ единственнымъ для всѣхъ глаголовъ окончаніемъ ind. praes.— *и(η)*, за сохраненіе *т* — только связь съ коренной морфемой на *т*. Но это *т* исчезло въ нѣкоторыхъ формахъ — перфектѣ (на *ta) и дѣепричастіи (на *te): эти трехсложныя формы (примѣръ: *kamita, *kamiti), стремясь къ двусложности благодаря двусложности прочихъ и аналогіи глаголовъ на *s*, гдѣ *šit* > *ś*, дали современные *kada*, *kadi*.

Полагаю, что въ соответствующую эпоху видѣ данныхъ случаевъ въ сочетаніи *mi* спорадически осуществлялась одночленная лабиализація, какъ въ видѣ *mi*, такъ и въ обратномъ видѣ: *т* + какая-нибудь нелабиализованная гласная, напр. *і*. Но ни одинъ изъ дублетовъ не удержался, ибо въ силу равноправности (одинаковой частоты) обоихъ постоянно подновлялось старое состояніе двучленной лабиализаціи.

Приведенное объясненіе считается со слѣдующимъ возможнымъ возраженіемъ: *n* не есть просто *т*, лишенное губной работы; слѣдовательно нельзя его появленіе объяснять простымъ отказомъ отъ ненужной въ данной комбинаціи работы. Процессъ, конечно, не сводится къ простому вычитанію, и какъ всякій диссимиляціонный, не творитъ новыхъ фонемъ, а производитъ подстановку уже имѣющихся въ языкѣ.

VII.

Комбинаторныя измѣненія переднеязычныхъ взрывныхъ: *tī* > *śi*, *tu* > *cu*: *тоб-і-мас*, *тоб-и*, *тоб-аη* — разл. формы глагола «держать». *dī* > *śi*, *du* > *cu*: *фуіі* «вистерія»; (*saka*)-*zuki* «рюмка для sake», въ айскомъ *tuki*. Это процессы нормальные для большинства представителей японо-рюкюскаго языковаго міра. Старые *tī*, *tu*, *dī*, *du* сохранялись еще, кажется, на *k'ūsū* и *śikoku* (Tosa). При звонкихъ аффрикатахъ (*ś*, *z*) въ тѣхъ-обскомъ взрывный элементъ гораздо слабѣе, чѣмъ при глухихъ (*ś*, *c*); первая можно обозначать поэтому ^а*z*, ^а*z*. Объясняется это тѣмъ же, чѣмъ русское *ж* изъ *dj* при *ч* изъ *tj*, и масса случаевъ изъ другихъ языковъ, гдѣ звонкій на пути развитія отъ взрывного къ аффрикатѣ и спланту опережаетъ глухой: воздуху изъ легкихъ при звонкости поступаетъ меньше, а чѣмъ меньше давленіе, тѣмъ меньше и сопротивленіе на мѣстѣ смычки, тѣмъ сильнѣе элементъ сплантный въ ущербъ смычному.

Особаго рассмотрѣнія заслуживаетъ тотъ фактъ, что съ этими звонкими аффрикатами слились отраженія древнихъ звонкихъ спирантовъ: *z во всякомъ положеніи кромѣ позиціи передъ *i* дало *z* (^dz), передъ *i*—*i* (^dz̄). Является вопросъ, какимъ же образомъ развились аффрикаты изъ звонкихъ спирантовъ, тогда какъ глухіе остались спирантами (*s* во всякомъ положеніи кромѣ позиціи передъ *i* сохранилось, передъ *i* дало *š*). Казалось бы, именно звонкость должна была препятствовать появленію смычнаго элемента. Несомнѣнно надо предполагать уподобленіе *z* и *z̄* аффрикатамъ ^dz и ^dz̄, развившимся изъ *d передъ *u* и *i*. Но почему не наоборотъ? Почему эти послѣднія аффрикаты не уподобились спирантамъ, что было бы ихъ естественнымъ развитіемъ? Предполагаю причину морфологическаго характера: въ японскомъ (какъ и рюкюскомъ) языкѣ дѣйствуетъ такъ называемый законъ «нигоря»—«помутненія», по которому начальная глухая становится звонкой, если слово входитъ второй частью въ compositum. Это не физиологическій законъ въ настоящее время, такъ какъ въ другихъ случаяхъ глухой можетъ стоять между любыми гласными; это морфологическій факторъ, играющій при Univerbierung ту же роль, что удареніе въ индо-германскихъ языкахъ и гармонія гласныхъ въ нѣкоторыхъ «урало-алтайскихъ». Это явленіе создаетъ частыя чередованія глухихъ и звонкихъ согласныхъ, которые по типу явленій «нигоря» должны отличаться другъ отъ друга только звонкостью или по мѣткому японскому выраженію мутностью (такъ какъ съ шумомъ въ полости рта смѣшивается и голосъ). Всѣ прочія работы въ принципѣ одинаковы.

Съ другой стороны, при наличіи *z* и ^dz съ слабымъ смычнымъ элементомъ весьма возможно смѣшеніе ихъ, какъ и *z̄* съ ^dz̄. Въ какую же сторону могло пойти это смѣшеніе? На одной чашкѣ вѣсовъ лежитъ морфологизованность взрывнаго элемента, важнаго для чередованій *s* съ *z*, *š* съ *z̄*; на другой — вѣсъ болѣе легкой, ибо для сохраненія чередованій *s* съ *z*, *š* съ *z̄* не имѣетъ губительнаго значенія прибавка слабаго взрывнаго элемента, разъ элементъ фрикативный, морфологизованный въ этомъ чередованіи налицо. Этотъ факторъ и далъ направленіе процессу въ тотъ моментъ, когда наряду съ ^dzu, ^dz̄i (изъ *du, *di) при способствующихъ фонетической прогрессивности условіяхъ (небрежности произношенія) стали осуществляться *zu*, *z̄i*: спиранты этихъ сочетаній были новымъ поколѣніемъ приравнены къ старымъ спирантамъ (передъ всѣми гласными), и для тѣхъ, какъ и другихъ, сознаны корректными чередовавшимися раньше только съ первыми аффрикатами. Однако съ выборомъ аффрикатъ не установилось ихъ исключительное употребленіе: фонетическое развитіе спиранта не устранено и спорадически осуществляется — языкъ такимъ образомъ постоянно находится въ

положенія борьбы между фонетическими и морфологическими тенденціями.

Ток'бскій говоръ является въ данномъ отношеніи показательнымъ для многихъ другихъ. Старое различіе *z* и *z*, *z̄* и *z'* сохранилось кажется только на *K'ūši* и *sikoki*. О рюкюскомъ состояніи на основаніи Chamb. нельзя составить точнаго представленія (см. § 25).

VIII.

Вліяніе *i* на предыдущіе согласные характеризуется въ ток'бскомъ слѣдующими переходами:

$h > \zeta$ (см. гл. VI); $b > b'$; p (въ *onomatopœtica* и въ заимствованныхъ словахъ — не подвергшееся переходу $*p > q$) $> p'$;

$t > \acute{c}$; $\bar{d} > \acute{s}$ (см. гл. VII);

$k > k'$; $g > g'$;

$m > m'$; $n > n'$; $r > r'$ (о деталяхъ см. Edw. § 61);

$s > \acute{s}$; $\bar{z} > \acute{z}$ (см. гл. VII).

(О *wi*, *ji* $> i$ см. гл. IX).

Всѣ эти переходы обусловлены еще живыми для настоящей эпохи фонетическими законами. Такъ напр. *s* не можетъ быть произносимо передъ *i* и превращается въ *ś* во всякомъ заимствованіи. Иначе говоря, чередованія *ha | śi*, *sa | śi* и т. д. дивергентны. Но наряду съ этимъ у *фонемъ* *z*, *b'*, *p'*, *ċ*, *z'*, *k'*, *g'*, *m'*, *n'*, *r'*, *ś* есть вполне самостоятельное существованіе передъ другими гласными. Такъ какъ главный источникъ случаевъ такого употребленія «мягкихъ» фонемъ — китайскія заимствованія, то можно значительную роль въ появленіи указанной различаемости отнести на долю китайской психофонетики, для которой различіе непалатализованныхъ согласныхъ отъ палатализованныхъ (или ихъ производныхъ — въ зависимости отъ діалекта) имѣло первостепенную важность.

Указанные переходы ток'бскаго говора общи массѣ другихъ. Болѣе прогрессивными въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія *k'*, *g'* являются нѣкоторые говоры Ои и рюкюскій (*šui*). Въ первыхъ $k' > \bar{h}$. Въ говорѣ же *šui* $k' > \acute{c}$, $g' > \acute{z}$. Дивергенція имѣла мѣсто еще до сліянія *i* съ *e*:

sac̄i «передъ», яп. *saki* id.; *saki* «рисовая водка», яп. *sake* id. *mīzi* «пшеница», яп. *mīgi* id.; *mas̄igi* «рѣсница», яп. *masige* id.

Аномаліи объясняются такъ:

1) Иногда развивается аффриката не передъ $*i$ — въ зависимости отъ предшествующаго звука. Послѣднимъ можетъ служить *ɣ*, соответствующій японскому *ɣ*, не *й*:

çizi «борода и усы», яп. *çige id.*; *řzai* «лѣвый», яп. *çidari id.*; *nçi* «увидя», яп. *mite id.* — путемъ *mite > mci > nçi*.

Для *çi* «человѣкъ» при японскомъ *çito id.* возможны два объясненія: *pri (to) дало комплексъ: спирантъ +*ř*, при чемъ послѣднее исчезло могло создать *t > ç*, вслѣдъ за чѣмъ исчезъ и спирантъ; или **pito > çito > çtu*, въ которомъ *çt*, какъ близкое къ *št*, путемъ перестановки дало *ç* (см. гл. III о *šit > št > ç*; Chamb. § 24).

Такое же образование аффрикаты имѣетъ мѣсто послѣ *n* (старого) въ *nçijun* «выходить» при яп. (*i*)*deru id.*, а также въ *nçicuŋ* «двигать» при яп. *ugoku id.*

Наличіе аффрикаты передъ *u* (*u) praes. indic. глаголовъ на *k, *g, какъ и въ *çin* «приходить» при яп. *kiru id.*, находитъ морфологическое объяснение, предположеніе же Chamberlain'a о *ku > çu* и *gu > çu* въ этихъ случаяхъ не подтверждается.

2) Японскому *ki* «дерево» вмѣсто ожидаемаго *çi* соответствуетъ *kī*. Объясненіе осуждено остаться гипотетическимъ. Возможно, что удлиненіе гласныхъ въ односложныхъ словахъ имѣло мѣсто до перехода *ki > çi*; въ эпоху же послѣдняго качественное отличіе *ī* отъ *i* препятствовало развитію аффрикаты; тогда какъ въ *çiru* «желтый» при яп. *ki-iro* «желтый цвѣтъ» стяженіе дало долгую гласную уже послѣ *ki > çi*.

IX.

s. Въ Oitama (южная часть пров. Узен) *s > ø*¹⁾ (по крайней мѣрѣ передъ *o* и *a*).

r (собственно **Л** — non roulé)

1) Въ Tōk'ō *r* чередуется съ нулемъ (передъ *i*) в *j*:
gōzai'mas | gōzaimas — вѣжливый вспомогательный глаголъ. Условія сложны: эти чередованія не встрѣчаются въ коренныхъ морфемахъ и вообще не часты. Въ рюкюскомъ же, а также въ Sacima, *j* или нуль (передъ *i*) на мѣстѣ тōк'ōскаго *r* въ срединѣ словъ довольно обычны: *mai* «лѣсъ», яп. *tori id.*; *šui* «название города», яп. *šuri* — заимствовано съ китайскаго: пекинское *šon-li* «главный поселокъ», *tujuŋ* «братъ», яп. *tor-i id.*; *kakijun* «вѣшать», яп. *kake-ru id.* Условія неясны, какъ и физиологическая сторона измѣненій. Имѣются и дублиеты: *agari | agai* «востокъ», яп. *agari* «восходъ». Для говора Jonezawa (въ южной части пров. Узен) развитіе *j* пзъ *r'* указано Dal-

1) Гаухое англ. *th*.

las'omъ (Т. А. S. J. Vol. III, part 2, The Yonezawa dialect), а также у Isawa.

2) Приближеніе *r* къ *d* особенно замѣтно въ Eçigo, Sado, Sacuma. Въ рюкюскомъ это характерно для *r'*: *r'ibû* (яп. *r'ik'û*) въ англійской транскрипціи иногда — *Doo - Choo*.

w. Въ тѣхъ-обскомъ *w*, какъ начальное, такъ и интервокальное, сохранилось только передъ *a* (такова же судьба *w* изъ *p между гласными) и факультативно передъ *o*: «*w s'entend quelquefois devant o comme son transitoire: kore o ou kore wo* (сеси)», Edw. § 88.

Въ рюкюскомъ начальное *w* встрѣчается передъ всѣми гласными; интервокальное выпало въ *â* «пѣна» при японскомъ *awa* id., въ *ôu* «зеленый, голубой» при яп. *a(w)o-iro* «зеленый, голубой цвѣтъ», но сохранилось въ *jwasaŋ* «слабый» при яп. *jowai* id.

k^w, *g^w*—звуки, встрѣчающіеся главнымъ образомъ въ китайскихъ заимствованіяхъ, первоначально чуждые японо-рюкюскому міру. Въ тѣхъ-обскомъ и ближайшихъ къ нему говорахъ они утратили губную работу (слышась т. о. съ *k*, *g*), но сохранились во всѣхъ прочихъ. Для рюкюскаго характерно смѣщеніе губной работы въ *k^wâ* «дѣтя» изъ *ko (яп. *ko* id.), хотя имѣющій то же происхожденіе диминутивный префиксъ — РК. *ku-*, яп. *ko-*.

j. 1) *j* выпалъ передъ *i*, *e* въ тѣхъ-обскомъ и др. яп. говорахъ, но сохранился въ рюкюскомъ.

2) Начальное *ju* > *i*, что считается вульгаризмомъ по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ случаевъ.

juku | *iku* «итги»; *jubi* | *ibi* «палець». Въ Sacuma *ibi* обычно. Въ *su* — *icuŋ*, *ibi*. Въ Mijakošima по Wirth'у *ybi* (*y* = франц. *u*), въ Ošima — *ibi*.

3) *j* > *z* въ преф. Jamagata (Узен): *ju* («кипятокъ») > *zu*.

Переходя къ носовымъ, долженъ отмѣтить, что въ настоящей работѣ лишены возможности говорить подробно о *ŋ*, развившемся между гласными изъ *g* въ Тѣхъ-ѣ и другихъ говорахъ (исключены говоры *k'ûsû*). См. Edw. §§ 55—57.

Слоговая функція носовыхъ. Таковая въ сущности факультативна. Но въ стихахъ, какъ японскихъ, такъ и рюкюскихъ—приведенныхъ у Chamberlain'a, носовой, за которымъ слѣдуетъ согласный, и носовой финальный считаются постоянно за отдѣльный слогъ. Это особенно замѣчательно для рюкюскаго стихосложенія, въ которомъ долгота гласныхъ не принимается въ расчетъ (важно лишь число слоговъ) и слѣдовательно не можетъ быть рѣчи о созданіи носовымъ долготы предшествующаго слога а positione. Слѣдуя обычному японскому произношенію, я отмѣчаю слоговой характеръ

только начальныхъ и конечныхъ носовыхъ: *тша* «лошадь», *саη* «три», но *деηηо* «слово», *амбаі* «вкусъ». Описание η—у Edw. §§ 53, 54.

Говорить о происхожденіи nas. son., оставаясь на почвѣ достовѣрности, можно только относительно тѣхъ ихъ случаевъ, гдѣ однимъ изъ языковъ представлено старое состояніе. Таковыми являются nas. son., развившіеся въ рюкюскомъ изъ сочетаній *ти*, *ті* передъ смычными: *тні* (изъ *тні*) «грудь» при яп. *тине* id.; *нна* (изъ *тна*) «всѣ, все» при яп. *мина* id.; *трапа* «носъ (вашъ)» при яп. *ті* почтительная частица + *hana* «носъ». Это явленіе однородно съ такъ наз. «падениемъ глухихъ *и*, *і*» въ ихъ постспирантныхъ и постаффрикатныхъ позиціяхъ по физиологическимъ причинамъ измѣненій, но должно быть отдѣлено отъ него при историческомъ взглядѣ на предметъ: въ сочетаніяхъ *ти, *ті* данныхъ примѣровъ паденіе гласнаго — фактъ уже заверченный, и для случая *трапа* имѣвшій мѣсто еще до *p > *φ*.

Сходныя явленія въ японскомъ весьма допустимы, но предположеніе ихъ должно покоиться на этимологіяхъ изъ японскаго же, такъ какъ выводы на основаніи графика каны крайне ненадежны. (См. Aston, A Grammar of the Japanese written language², 27, откуда беру одинъ примѣръ: почтительная частица *от* изъ двухъ идентичныхъ частицъ *о* + *тi*).

Nas. son., гораздо болѣе часты въ рюк., чѣмъ въ яп., какъ благодаря указанному развитію ихъ на рюкюской почвѣ, такъ и вслѣдствіе нѣкоторыхъ измѣненій, которымъ они подвергались въ японскомъ языкѣ. Признавая въ этомъ отношеніи консервативность рюкюскаго, я не отношу къ ней слѣдующихъ приводимыхъ у Chamberlain'a случаевъ:

1) Окончаніе indic. praes. (Conclusive form of Certain Present or Future) РК. *-иη* при яп. *-и* (*тујуη* «братъ» яп. *тору* id.). Считаю болѣе правильнымъ сопоставленіе японскаго *тору* съ такъ наз. Arosorated form *тују* (у Chamb. *тују'*), при чемъ окончанія тождественны (*-и*). Конечное же *η* въ *тујуη* можетъ быть сокращеніемъ *ни* (*но); тогда *тујуη* находитъ параллель въ японскомъ *торун* (*des*) изъ *тору но desu*.

2) *waη* «я» не должно быть сопоставляемо съ яп. *wa* id. Последнему точно отвѣчаетъ РК. *wā* — съ тѣмъ же значеніемъ, но рѣже употребляющееся. Склоненіе *waη*: *wanē*, *waniη* или *wanīη*, *wanī* (Ch. § 52) предполагаетъ древнее *wanī, т. к. только дублетъ *waniη* принадлежитъ къ типу нормальныхъ образованій отъ именъ на *η*.

Иллюстраціей же японской прогрессивности въ развитіи nas. son. можетъ служить слѣдующее:

1) *Начальные nas. son.* Законченныя новшества въ яп.:

РК. *n* | яп. *и*: *нзибиη* «двигать», *идоки* id.

РК. *n* | яп. *i* или нуль: *nóijū* «выходить», яп. (i) *deru id.*

Факультативное новшество въ яп.:

РК. *m* | яп. *m* или *u*: РК *тта* «лошадь», яп. *тта* или *ита id.* Произносительныя условия, вызывающія эту дифференціацію, темны.

2) *Конечныя nas. son.* обычно сохранились въ японскомъ, но въ одномъ случаѣ наблюдается дифференціація, сопровождаемая и семасіологической.

Древняя глагольная форма на — *аη* съ отрицательнымъ значеніемъ (напр. *śiraη* «не знаю, не знаетъ») наряду съ этимъ первоначальнымъ значеніемъ стала имѣть значеніе положительнаго будущаго времени: пока еще не знаю, слѣдовательно фактъ знанія относится къ будущему. Это семасіологическое развитіе — подстановка частнаго значенія подъ болѣе общее — несомнѣнно, т. к. засвидѣтельствовано классическимъ языкомъ, написанія котораго для обоихъ значеній одинаковы (Aston, Grammar of the Japanese written language², p. 35). Параллельно смысловому различію (обозначимъ x_1 — первоначальное значеніе *praes. neg.*, x_2 — производное значеніе будущаго времени) существовало очевидно и фонаціонное (y_1 и y_2), результаты котораго сказались въ такомъ видѣ:

x_1 — y_1 — *аη* сохранилось

x_2 — y_2 — *аη* > *аи* (засвидѣтельствованное орфографіей) > $\bar{o}$.

Такимъ образомъ въ современномъ языкѣ — *аη* является формантомъ *praes. neg.*, а $\bar{o}$ — формантомъ будущаго: *śiraη* «не знаю, не знаетъ», *śivō* «буду, будетъ знать».

Третья вариация той же праформы, гдѣ *аη* > *а*, представлена разговорной формой *śira*.

Е. Поливановъ.